

Часть первая. Истина

Глава 1.

Основополагающая истина

Во времена Будды в селении неподалеку от Наланды, где впоследствии располагался великий буддийский университет, жили два молодых человека, которых звали Шарипутра и Маудгальяна. С детства они были близкими друзьями, и теперь они заключили соглашение. Они решили покинуть дом в поисках истины, в поисках великого просветленного учителя – что было не таким уж необычным делом для Индии того времени. Соглашение между друзьями заключалось в том, что они начнут свои поиски в противоположных направлениях. Тот, кто найдет просветленного учителя первым, должен был пойти и рассказать другому, они оба стали бы его учениками. Поэтому Шарипутра отправился в одном направлении, а Маудгальяна – в другом.

Шарипутра оказался удачлив. Он не успел отойти далеко, ему не пришлось блуждать много недель, прежде чем он увидел, как кто-то идет в отдалении и, казалось, – вряд ли он осмеливался надеяться на то, что это была истина – но было что-то в этом человеке, что показалось ему особенным. Может ли этот человек быть Просветленным? Когда незнакомец подошел ближе, Шарипутру еще больше поразило его поведение, его манеры – настолько, что он без колебаний задал ему вопрос, который и поныне является в Индии Вопросом с большой буквы. Люди не склонны говорить о погоде или о чем-то подобном. Они даже могут не поинтересоваться вашим здоровьем. Они, как это сделал Шарипутра, прямо спрашивают о главном: «Кто твой учитель?»

На Востоке, особенно в Индии и Тибете, на протяжении тысяч лет было традицией, чтобы у каждого человека был духовный учитель, от которого человек получал какую-то религиозную практику. Возможно, в наши дни все немного изменилось, но часто люди по-прежнему считают, что если у вас нет духовного учителя, вряд ли вы существуете как человек. Вы можете точно с тем же успехом быть кошкой или собакой, как человеком, у которого нет духовного учителя. Поэтому первое, что вы хотите узнать, – к какой линии передачи или духовной традиции принадлежит человек.

Поэтому Шарипутра спросил незнакомца: «Кто твой учитель?» Так случилось, что незнакомец был одним из пяти первых учеников Будды по имени Ашваджит. После Просветления Будда решил отыскать пятерых своих прежних спутников и поделиться с ними своим опытом истины. Он нагнал их в месте под названием Сарнатх, и – после некоторого сопротивления с их стороны – ему удалось передать им свой опыт. На самом деле, очень скоро эти пятеро стали Просветленными. Другие люди пришли послушать учения Будды и также обрели Просветление. Вскоре в мире было уже шестьдесят просветленных существ. И Будда сказал им: «Я свободен от всех уз, человеческих и божественных. Вы также свободны от всех уз, человеческих и божественных. Теперь идите и учите всех существ ради блага и счастья всего мира, из сострадания и любви ко всем живущим». Так его ученики разошлись во всех направлениях и исходили северную Индию вдоль и поперек, пытаясь повсюду передавать учение Будды.

Поэтому Ашваджит сразу ответил: «Мой учитель – Гаутама, появившийся на свет в роде Шакья, Просветленный, который стал Буддой». Когда Шарипутра услышал эти слова, он был вне себя от радости, но все еще не до конца удовлетворен. Его следующий вопрос – можно было это предвидеть – был: «Чему учит Будда?» Несомненно, это еще одна вещь,

которую вы захотите узнать.

Ашваджит и сам обрел Просветление, но он был очень скромным человеком. Он сказал: «Я недавно встал на путь. Я не слишком хорошо знаю учение. Но той малостью, что я знаю, я поделюсь с тобой». Сказав так, он произнес строфы, которые с того времени стали известными во всем буддийском мире: «Будда объяснил источник тех вещей, которые развиваются из причин и условий. Он также объяснил их прекращение. Это учение великого шраманы».

Это было все, что он произнес. Но, когда Шарипутра услышал эти строфы, все его существо как бы превратилось во вспышку озарения, и он понял, что это истинно. Что бы ни возникало, оно возникает в зависимости от условий; когда этих условий больше не существует, оно прекращается. Постигнув это, Шарипутра сразу стал тем, кого в буддизме называют «Вступившим в поток» – то есть он вступил в поток, который рано или поздно должен был привести его к освобождению Просветления. И, конечно, он немедленно отправился на поиски своего друга Маудгальяны, чтобы рассказать ему, что учитель найден. Впоследствии два друга стали главными учениками Будды.

Строфу, которую повторил Ашваджит и которая оказала такое огромное влияние на юного Шарипутру, можно отыскать во всех странах, где распространен буддизм. Вы обнаруживаете ее в Индии, в виде оттисков под рисунками. Вы находите ее на глиняных печатях в руинах монастырей: тысячах и тысячах маленьких печатей, на которых – только эти слова. Вы находите ее в Китае, находите в Тибете. В Тибете, сосредотачиваясь на образе Будды, зачастую делают сотни тысяч крошечных оттисков этой строфы и покрывают ими рисунок, и это является частью сосредоточения.

Эта строфа – подлинная сущность буддизма; на уровне вероучения нет ничего более основополагающего. Это общая основа для всех буддийских школ, будь то Тхеравада или Махаяна, Дзен или тибетский буддизм. Все они берут начало в великом законе обусловленности, пратитья-самутпаде на санскрите, что иногда переводится как зависимое возникновение или обусловленное совозникновение. Это единый источник, к которому восходят все буддийские учения, самое основополагающее концептуальное выражение духовного опыта Будды.

Решение учить

Мы обнаруживаем раннее упоминание об этом великом учении в «Арьяпариесанасутте» («Проповеди о благородных поисках») в Маджхима-Никае. Это своего рода автобиографический рассказ, один из нескольких, присутствующих в Палийском каноне, в котором Будда уже стариком рассказывает о некоторых событиях его молодости, описывая свою практику аскезы, обретение Просветления, свои мысли и страхи, то, как он начал давать учение и так далее. Поэтому здесь Будда упоминает историю о том, что после своего Просветления он не был уверен, предпринимать ли попытки поведать миру истину, которую он обнаружил.

В тексте он говорит самому себе: «Этот Закон [Дхарма], который я постиг, настолько глубок и труден для понимания, для постижения. Это самая мирная и высочайшая цель из всех, не достижимая лишь с помощью рационального мышления, тончайшая, доступная опыту мудрых». И дальше он переходит к размышлениям: «Но наше поколение полагается на привязанность, наслаждается привязанностью, находит удовольствие в привязанности. Такому поколению трудно увидеть эту истину, то есть особую обусловленность, зависимое

возникновение [пратитья-самутпаду]».

Когда Будда сказал самому себе: «По-видимому, человечеству будет трудно понять то, что я обнаружил», – он описывал свое открытие в терминах всеобщей обусловленности, обусловленного совозникновения. Это первое изложение постижения Будды. По-видимому, когда Просветленный ум обзирает все существующее, мир явлений в целом, первое, что поражает его, что бросается уму в глаза относительно вселенной – то, что она обусловлена. Она возникает в зависимости от условий, а когда эти условия прекращаются, она прекращает существование. Это, так сказать, основное постижение относительно того, как существует мир, с точки зрения Просветления.

История продолжается объяснением того, как случилось, что Будда все же решил давать учение. Это рассказ, который приводится в самой сутте. Должен предупредить вас, что в него включено внезапное появление «Брахмы Сахампати», который в традиционной буддийской мифологии «правит тысячей миров».

Тогда Брахма Сахампати, который постиг своим умом мысли, возникшие в уме Благословенного, подумал:

«Мир будет потерян, мир будет совершенно потерян, поскольку ум Совершенного, обретшего все достижения и полностью Просветленного, встал на сторону недеяния и не учит Закону». Затем, столь же быстро, как сильный мужчина сгибает вытянутую руку или вытягивает согнутую, Брахма Саматпати исчез из мира Брахмы и появился перед Благословенным. Он накинул свое одеяние на одно плечо, поставил правое колено на землю и сложил ладони перед Благословенным, сказав: «Владыка, пусть Благословенный учит Закону. Пусть Высочайший учит Закону. Есть существа, чьи глаза лишь едва припорошены пылью, и они потеряны, потому что не слышат Закона. Некоторые из них обретут окончательное постижение Закона».

Сказав это, Брахма Сахампати продолжал:

*«В Магадхе до этого существовал
Нечистый Закон, выдуманный испорченными людьми.
Открой Врата Бессмертия, дай им услышать
Закон, который открыл Незапятнанный.
О Мудрец, воздвигни твердыню Закона!
И, точно так же, как стоящий на груди камней
Видит народ, собравшийся внизу,
Обозри, о Беспечальный Всевидящий Мудрец,
Человеческий род, тонущий в печалях,
Пребывающий во власти Рождения и Старения.
Встань, о Герой, Победитель, Несущий знание,
Свободный от всех обязательств и чуждый для мира.
Провозгласи Закон, и некоторые,
О Благородный, постигнут его».*

Благословенный внял мольбе Брахмы Сахампати. Из сострадания к существам он обозрел мир оком Просветленного. Точно так же, как в пруду с синими, красными или белыми лотосами некоторые лотосы, рожденные и растущие в воде, цветут, погрузившись в воду и не показываясь из нее, некоторые лотосы, рожденные и растущие в воде, покоятся на поверхности воды, а некоторые лотосы, рожденные и растущие в воде, поднимаются над

водой и остаются чистыми, так и он увидел существ, чьи глаза лишь едва припорошены пылью, и существ, чьи глаза полны пыли, существ с великими способностями и малыми способностями, с хорошими качествами и дурными качествами, существ, которых будет легко учить, и существ, которых будет сложно учить, и тех, кто живет в страхе перед иным миром или с чувством вины.

Увидев это, он отвечал:

*Широко открыты пути Бессмертных.
Пусть те, кто слышат, выкажут веру. Если я был намерен
Не открывать непревзойденный Закон, постигнутый мной,
То затем, что предвидел трудности.*

Тогда Брахма Сахампати подумал: «Мне удалось убедить Благословенного учить Закону». После этого он выразил ему почтение, обойдя его справа налево, и тут же исчез.

Это событие, составляющее ключевой момент в жизни Будды. Передавать или не передавать учение, вот в чем был вопрос. Это был вопрос первостепенной важности не только для него, но и для всего мира. Без этого не существовало бы того, что мы знаем как буддизм. Можно было бы многое сказать об этом событии, о просьбе Брахмы, как его обычно называют. В нем есть многое, над чем можно размышлять и медитировать. Прежде всего, возникает вопрос, кто такой Брахма, что он символизирует. И затем, почему Будду нужно было просить учить? Что это значит?

Ливень Дхармы

В этом контексте я хочу обратить ваше внимание лишь на одну особенность этого события. Выражаясь как можно проще, можно сказать, что история символизирует момент, когда сердце Будды захлестнуло сострадание, символизирует, что мудрость Просветления неотделима от сострадания. Далее, образ пруда с лотосами показывает, что, сколь ни трудно передать опыт Просветления, это можно сделать. Человеческие существа способны расти, развиваться, преображаться, и каждый из нас находится на своем уровне продвижения.

Мы находим то же сравнение в «Сутре Белого лотоса», одной из великих сутр Махаяны (сутры Махаяны – канонические тексты, в которых, как утверждается, записаны слова исторического Будды Шакьямуни). Я говорю «утверждается», потому что согласно современным научным данным многие сутры не столько запечатлевают слова, которые действительно произнес Будда, сколько пытаются переработать в современном им виде нечто от сути, духа учений Будды, какими они дошли через века. «Сутра Белого лотоса» была записана около I в. н.э. и полна красивых иносказаний, мифов и символов, которые имеют совершенно особое значение для духовной жизни буддистов на всем Дальнем Востоке. И, возможно, одна из важнейших притч из нее – притча о туче, также известная как притча о побегах.

В притче говорится, что, точно так же, как туча проливает освежающий дождь на все растения на земле без различий, так и Будда учит Дхарме всех живых существ. Ливень Дхармы проливается на всех в равной степени, а не в большей степени на одних и в меньшей – на других. Другими словами, Будда не проводит различий. Мы знаем, что Будда одинаково учил Дхарме всех – государей и крестьян, мужчин и женщин, торговцев и отверженных, убийц и разбойников.

И те, на кого падает ливень Дхармы, живые существа – другими словами, мы сами – растут. Но все мы растем в соответствии со своей собственной индивидуальной природой. Когда дождь проливается на пальму, пальма вырастает в еще большую пальму. Когда дождь проливается на цветок, цветок становится еще более великолепным цветком. Но цветок не становится пальмой, а пальма не становится цветком. Всех питает один и тот же дождь, но растет каждый в соответствии со своей собственной природой. Подобно этому, все мы изучаем и практикуем одну и ту же Дхарму, но каждый из нас по-своему развивается духовно, хотя мы все и растем по направлению к Просветлению.

Это иллюстрируется еще одним отрывком из Палийского канона, в котором Будда говорит со своими учениками и о своих учениках, перечисляя их отличительные качества. Иногда люди считают, что все ученики учителя должны быть похожи, быть просто копиями учителя. Иногда буддийское искусство усиливает такое впечатление. Вы видите изображение Будды в желтом одеянии, с сумой, чашей и ушнишей (это вырост на голове, «выступ бодхи»), а затем – целый ряд маленьких учеников, и они выглядят в точности как Будда, за исключением ушниши – та же выбритая голова, то же самое желтое одеяние, та же самая сума, та же самая чаша для подаяний, то же самое мягкое выражение лица. Но эта идея, согласно которой ученики – в той или иной мере клоны своего учителя, – крайне ошибочна, как мы видим в этом рассказе из Палийского канона, где Будда произносит хвалу своим ученикам.

Может быть, мы думаем, что обычное дело – когда ученики восхваляют своего учителя; иногда так и происходит. Но в этот раз Будда хвалил своих учеников. Он сказал: «Взгляните, это Шарипутра. Шарипутра – величайший из вас в мудрости и способности излагать Дхарму. А Ананда? Что ж, Ананда – любимейший и самый дружелюбный среди вас». (Кстати, именно Ананда позволил женщинам вступать в Сангху, духовное сообщество последователей Будды, поэтому с тех самых пор женщины Сангхи считают его своего рода святым-покровителем). Затем Будда отозвался еще об одном ученике как о величайшем в строгости, а о другом – как о величайшем в проповедях. И, поскольку у некоторых учеников, естественно, были качества выше, чем у других, в конце Будде пришлось немного «поскрести по сусекам», и об одном ученике он упомянул, что тот собирал больше всего подаяний, когда отправлялся за милостыней. Даже он в чем-то был лучшим.

Так Будда похвалил своих учеников за их особые качества. Эти отличия подкрепляются всеми писаниями Палийского канона. Если вы прочтете их просто как свидетельства о жизни человеческих существ, вы встретите упоминания о множестве учеников Будды, и они очень не похожи друг на друга, их качества различаются. Шарипутра и Маудгальяяна – близкие друзья, но они совершенно не похожи. Ананда дружелюбен и всеми любим, а Кашьяпа несколько сварлив – или, по крайней мере, они производят такое впечатление. Некоторые ученики робки и склонны к уединению, а другие довольно общительны и активны.

Это справедливо всегда. Если вы действительно следуете Дхарме, вы будете расти в соответствии со своей собственной природой. Именно это так ясно показывает притча о туче и растениях. Когда льется дождь, дерево растет и становится больше и лучше. Но дуб никогда не вырастет в яблоню, сколько бы вы его не поливали, а яблоня никогда не станет дубом.

Подобно этому, тот, кто по характеру благочестив, обычно не становится сильным интеллектуалом, а тот, кто склонен к интеллектуальной деятельности, не всегда становится особенно благочестивым. Хотя и тот, и другой может до некоторой степени развить

противоположное качество, их темпераменты во многом останутся теми же до тех самых пор, пока оба не достигнут Просветления. Один будет Просветленным ревнителем благочестия, а другой Просветленным интеллектуалом – или даже Просветленным академиком, хотя это довольно трудно представить. Один человек может стать Просветленным монахом, а другой – Просветленным домохозяином, и оба они будут Просветленными. Возможно, это звучит парадоксально, но по мере того, как люди, идущие по духовному пути, приближаются к Просветлению, они не становятся более похожими друг на друга, они все больше отличаются – хотя в то же время общение между ними улучшается.

Сравнение с лотосами и притча о растениях также напоминают нам о том, что люди могут изменяться. Они могут измениться от плохого к хорошему и даже стать еще лучше, чем были. Пример из писаний и истории буддизма – Ангулимала, убивший около сотни людей, а затем сумевший стать архатом (другими словами, обрести Просветление) – и все это за одну жизнь. Это должно предоставить нам богатую пищу для размышлений. Позже, в одиннадцатом веке, был один черный маг, повинный в смерти около тридцати человек, но он стал величайшим из святых школы Кагью. Это, конечно, Миларепа. А из истории Индии мы можем привести пример Ашоки, который хотел объединить всю Индию под своей властью. Он пролил кровь сотен тысяч людей, но затем испытал раскаяние и стал поступать противоположным образом. Он изменился. В конце концов, он прославился под именем Дхарма-Ашока, «добродетельный Ашока», как один из величайших покровителей буддизма.

Такая перемена в этих и множестве других людей произошла не по милости божьей, но в силу изменений в устремлении человеческой воли, изменений, берущих начало в душе самого человека. Мы в ответе за нашу собственную духовную судьбу. Мы вольны развиваться или не развиваться, как нам будет угодно. Обстоятельства могут нам препятствовать, может даже показаться, что они нас сломили, но никакие обстоятельства нико гда не смогут лишить нас нашей исконной свободы и воли. Именно это постиг Будда, когда узрел внутренним оком тот пруд с белыми, синими и красными лотосами; и об этом же повествует нам притча о туче и растениях.

Мост над пропастью

Но хотя у Будды было такое видение, которое дало ему уверенность в духовном потенциале человеческих существ, мы – по крайней мере, с той силой, о которой я говорил, – возможно, не чувствуем уверенности в том, что сможем реализовать наш собственный потенциал путем постижения закона обусловленности. Как мы увидели, реальность, которую осознал Будда, была «глубока и трудна для постижения». Она была «самой мирной и высочайшей целью из всех». И не только. Она была «недостижима лишь с помощью умствования». Она была «тонка» - исключительно тонка. И она была предназначена «для опыта мудрецов».

Но что нам делать с этой великой истиной? Для Шарипутры, который был очень восприимчив, было достаточно одного простого утверждения, чтобы постигнуть истину, но вряд ли она окажет такое же воздействие на нас. На самом деле, нам, возможно, трудно обнаружить в ней хоть какой-то смысл. Конечно, как мы видели, сам Будда подозревал о том, что это будет трудно. Возможно, буддизм и является по сути передачей – передачей от Будды к тем, кто не является Буддами, от Просветленного ума к непросветленным, – но такую передачу трудно осуществить даже Будде, потому что между Буддой и обыкновенным человеком лежит огромная пропасть.

Мы с трудом можем осознать, насколько она велика. Нам легко говорить – и

некоторые буддисты так и говорят, довольно многословно – что каждый из нас потенциально является Буддой, потенциально просветлен. Но обычно это всего лишь слова. Мы не осознаем, насколько широка пропасть, отделяющая нас от Будды. Иногда люди говорят о Будде довольно фамильярным тоном, почти как говорили бы о человеке из соседней квартиры, которого хорошо знают, – знают о его реализации, о его Просветлении и о том, в чем оно заключается. Но на самом деле это своего рода профанация. В действительности мы не знаем Будду, не понимаем Будду. Между его окончательной реализацией и нашим непросветленным опытом зияет бездна.

Пересечь эту бездну и действительно установить контакт с непросветленным умом очень трудно даже для самого Будды. В буддизме Махаяны есть яркие мифы о таких бодхисаттвах, как Авалокитешвара и Кшитигарбха, сходящих в глубины ада для того, чтобы помочь находящимся там существам. Но этот ад – не обязательно другой мир, это может быть этот мир; и мифы о сходе в ад дают понять, насколько трудно бодхисаттве или будде установить подлинный контакт с нашим непросветленным, мирским состоянием ума. Но – и Будда ощущает это как жгучее сострадание – этот контакт нужно установить, эту истину нужно передать. Над бездной, отделяющей Просветленный ум от непросветленного, нужно перебросить мост, сколь бы непрочен, сколь бы тонок он не был. Так как же Будда сделал это?

Буддизм в двух словах

Есть два основных способа передачи – с помощью концепций и с помощью образов. В Палийских писаниях Будда чаще использует концепции, хотя образы – иносказания, мифы, сравнения, несомненно, присутствуют. С другой стороны, в буддизме Махаяны он склонен скорее использовать образы, хотя, опять же, концепции также присутствуют, и в некоторых сутрах Махаяны передача осуществляется почти исключительно при их помощи.

История о решении Будды учить, данная в писаниях на пали, как мы видели, передается смешением концепций и образов. Но когда дело доходит до описания реальности, которую он постиг на опыте, оно дается при помощи концепций: концепции обусловленности, как мы привыкли ее называть. Это, как мы видели, основная концепция буддизма. Если буддизм можно в какой-то мере свести к концепции, то это концепция обусловленности, и весь буддизм, с точки зрения как теории, так и практики – философии, медитации и самой жизни буддистов – основывается на ней.

Или, по крайней мере, буддизм основывается на переживании, выражением которого данная концепция является. Обусловленность не есть нечто, что Будда просто-напросто выдумал, это выражение, прямое выражение опыта Просветления. Хотя я сказал, что буддийская философия основывается на ней, это не философия в западном смысле. Буддийская «философия», как мы ее называем, есть не более чем попытка дальнейшего, более детального разъяснения видения реальности Будды.

Будда ощущал, что вынужден каким-то образом передать свой опыт реальности. Ему нужно было дать ему выражение в концептуальных терминах, если он хотел хоть что-то сказать. В то же время ему нужно было найти способ выразить это так, чтобы это было понятно обычным непросветленным людям и заложило основу для того, чтобы обычный человек рано или поздно проник в истинную природу реальности. Концепция, которую он избрал, была концепцией всеобщей обусловленности – из которой мы, несомненно, можем получить хотя бы некоторое интеллектуальное понимание.

Формулировка, как она обычно приводится в писаниях, такова. На самом деле, это почти в точности то, что Ашваджит сказал Шарипутре. Язык, который использует Будда, прост, абстрактен, почти как в математике. Он просто говорит: «Из существования одного рождается другое, из возникновения одного возникает другое. Если этого не существует, не появляется и другого, если одно прекращается, прекращается и другое». Это формулировка в высшей степени абстрактна и обобщена, и она охватывает все существующее, находится ли оно на уровне материи, ума или духовности.

Поэтому если кто-нибудь спросит вас рассказать, что такое буддизм, вкратце – не одним словом, потому что этим словом будет «обусловленность», но одной фразой, вы можете просто сказать им: «Если существует А, возникает В. Если А отсутствует, В не возникает. В этом суть буддизма». А затем предоставьте им самим делать выводы. Если думать об этом достаточно долго, можно вывести весь буддизм из этого простого утверждения. Конечно, кто-то может подумать, что вы нарочно высказываетесь так туманно. Вероятно, большинство буддистов, если бы их попросили настолько сжато выразить суть буддизма, сказали бы «Все вещи непостоянны» или «У действий есть последствия». Но не нужно долго размышлять, чтобы увидеть, что оба эти утверждения берут начало в одной фундаментальной истине – обусловленности.

Следствия обусловленности

Возможно, вы будете рады услышать, что Будда предпочел пойти на уступки и объяснить обусловленность гораздо более подробно. Вероятно, самая известная формулировка этого принципа – Четыре благородные истины: истина страдания или неудовлетворенности, истина причины страдания, которой является страстное желание, истина прекращения страдания, где прекращение соответствует нирване, и истина пути, ведущего к прекращению страданий, пути, ведущего к нирване, то есть Восьмеричного благородного пути. Другими словами, в рамках этой формулировки, если присутствует страстное желание, возникает страдание, если страстное желание отсутствует, страдания не возникает.

Возможно, здесь мне стоит заметить, что под тем, что «страдание не возникает», подразумевается страдание ума, а не физические страдания. Есть один отрывок из Палийского канона, который очень любил повторять один из моих учителей, Бхиккху Кашьяп, у которого я учился пали и Абхидхарме. В этом отрывке Будда сидит со скрещенными ногами и дает учение, передача учения длится долго, и у него начинает болеть спина. Даже у Будды болит спина. Там оказался Шарипутра, и Будда не стал скрывать боли под улыбкой, хотя некоторые люди и говорят, что нужно так поступать. Он сказал: «Шарипутра, у меня болит спина. Пожалуйста, продолжи учение. Я просто прилягу». Мой учитель, Кашьяпджи, любил рассказывать об этом случае, потому что, как он подчеркивал, этот отрывок – свидетельство человечности Будды, не в том смысле, что у Будды были человеческие слабости на уровне ума или эмоций, потому что их у него не было, но в том смысле, что у него были физические слабости. У него было обычное человеческое тело, и по мере того, как он старел, оно причиняло ему боль.

В буддизме проводится различие между физической болью и болью на уровне ума. Когда вы достигаете Просветления, вы больше не испытываете боли на уровне ума, эмоциональных перепадов или чего-то подобного, но вы все еще подвержены физической боли – выносите ее, как сказал Будда, невозможно. В любом случае, все это не главное. Основной момент заключается в том, что отсутствует страстное желание, поэтому страдания – страдания ума, которого можно избежать – не возникает. Кстати, это не говорит о том, что

все страдания – результат страстного желания, это привело бы к кармическому детерминизму. Есть некоторые страдания – особенно физические страдания, – которые возникают не из-за предыдущих неискренних деяний ума, в этой ли жизни или в предыдущих.

Круг и спираль

Развивая эту концепцию обусловленности далее, Будда сказал, что у нее есть две основных тенденции – тенденция круга и тенденция спирали. Первая, циклическая тенденция, – это колебание между парами противоположностей. Здесь возникновение боли зависит от удовольствия, а удовольствие возникает в зависимости от боли. Здесь в зависимости от потери возникает приобретение, а в зависимости от приобретения – потеря. Зима зависит от лета, а лето от зимы.

Традиционно процесс циклического действия и реакции в целом называется кругом существования, или Колесом Жизни – то есть колесом рождения, смерти или перерождения, больше известным в тибетской иконографии. Если мы посмотрим на тибетское изображение Колеса Жизни, мы обнаружим детальное изложение всего циклического модуса обусловленности. Оно изображает всех живых существ, все существующее, и все они вовлечены в циклический процесс, действуют и реагируют в рамках пар противоположностей, поднимаясь и опускаясь, вертясь и вертясь в соответствии с законом кармы и перерождения.

Внутри второй тенденции обусловленности, тенденции спирали, вы не колеблетесь между противоположностями, но движетесь от фактора к фактору, которые последовательно дополняют друг друга. Под влиянием счастья возникает радость, под влиянием радости – восторг, под влиянием восторга – покой, под влиянием покоя – блаженство. Это восходящее движение спирали. Можно сказать, что спиральная тенденция обусловленности, по существу, составляет духовный путь.

Таковы два основных типа или вида обусловленности, действующих во вселенной, на всех уровнях – круг и спираль. Первый удерживает нас в сфере «обусловленности», и мы вращаемся снова и снова, что так наглядно показывает Колесо Жизни. А второй дает нам возможность роста и развития, чтобы мы могли преодолеть обусловленность и в конце концов вступить в сферу Необусловленного, то есть обрести Просветление. В каком-то смысле, оставшаяся часть этой книги – просто развернутое размышление над тем, как работают эти два вида обусловленности. В первой части мы исследуем природу обусловленного в рамках двенадцати звеньев обусловленного совозникновения, изображенных в Колесе Жизни, прежде чем перейти к рассмотрению природы Необусловленного, нирваны, и концепции пустотности, которая популярна под названием «пустота», хотя оно в чем-то и ошибочно.

Размышляя о пустотности, мы увидим, что, в конечном счете, нет различия, которое мы могли бы провести между «обусловленным» и Необусловленным. Но на нашем теперешнем уровне духовного развития это различие очень реально, поэтому мы волевым образом должны воспринимать это как движение от одного к другому, другими словами, в контексте духовного пути. Это основная тема второй части книги.

После введения, где путь рассматривается как выход из того, что я называю «гравитационным притяжением» обусловленного, и отклик на зов Необусловленного, мы исследуем различные способы видения духовного пути, и начнем мы с изучения двенадцати звеньев спирального пути, наиболее развернутого изложения того, как работает спиральная

обусловленность. Затем мы рассмотрим несколько из многих других способов видения пути: Благородный восьмеричный путь, семь факторов Просветления, семь ступеней очищения, пять духовных способностей и, наконец, каждая из трех последних глав будет посвящена одному из этапов Трехчленного пути – нравственности, медитации и мудрости. Цель в том, чтобы показать не только аспект вероучения в буддийской практике, но также дать учения, которые применимы в повседневной жизни. А для того, чтобы напомнить, что не бывает мудрости без сострадания, мы закончим главой об Идеале Бодхисаттвы, этом высочайшем выражении альтруистического измерения буддизма.

По мере рассмотрения этих и многих других вариантов ответа на вопрос «Что такое Дхарма?» мы должны всегда помнить, что все эти концепции, все эти учения, все эти практики восходят к одной основополагающей истине, одному основополагающему постижению – обусловленности.